

УДК 271.2(470.44)

DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-12-26

«Уход на богомолье» и «бегство от антихриста»:
старообрядцы-странники Саратовской губернии
во второй половине XIX в.

(по архивным материалам ГАСО).

Часть 2: Религиозные практики «странствия»
и судебные преследования

Владислав А. Карташов

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия, ya.qwe987@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории согласия старообрядцев-странников в Саратовском Поволжье в позднеимперский период (вторая половина XIX – начало XX в.). Приводится общая характеристика данной религиозной группы, их учения и истории существования, анализируются особенности тематической историографии. Подчеркивается уникальность феномена странничества в религиозном ландшафте провинции Российской империи: бегуны проповедовали радикальные эсхатологические идеи, однако в то же время сохраняли определенную включенность в социальные структуры внешнего мира. В фокусе внимания – целостная история старообрядцев-странников в Саратовском Поволжье, проникших на его территорию в 60-е годы XIX в. Активная проповедь странников вызвала рост последователей среди саратовских крестьян, однако специфический образ жизни странников, вдохновленный учением о «побеге от антихриста», неизбежно привлекал к себе внимание местной администрации и священников. Обращение к ранее неопубликованным архивным материалам ГАСО показывает, что странническое согласие подвергалось преследованию за бродяжничество, незаконное укрывательство единоверцев, а также тайные похороны умерших, исчезновение которых вызывало озабоченность у полиции. В заключении статьи сформулированы выводы о неоднозначности интерпретации социальных и религиозных практик странников: несмотря на итоги следственных процессов, подобные случаи давали почву для различных негативных слухов о старообрядцах.

Ключевые слова: старообрядцы-странники, следственные процессы, эсхатология, религиозные практики, Саратовская губерния, Государственный архив Саратовской области

Статья поступила в редакцию 12 октября 2025 г.;

принята к публикации 19 января 2026 г.

Для цитирования: Карташов В.А. «Уход на богомолье» и «бегство от антихриста»: старообрядцы-странники Саратовской губернии во второй половине XIX в. (по архивным материалам ГАСО). Часть 2: Религиозные практики «странствия» и судебные преследования // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 12–26. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-12-26

“Going on a pilgrimage” and “fleeing from the antichrist”:
the Old Believers-Wanderers of the Saratov province
in the second half of the 19th century
(based on the GASO archival materials).
*Part 2. Religious practices of “wandering”
and the judicial persecution*

Vladislav A. Kartashov

*Saratov State University, Saratov, Russia,
ya.qwe987@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the history of the Old Believers-Wanderers consent in the Saratov Volga region in the late imperial period (the second half of the 19th century – the early 20th century). The paper provides a general description of this religious group, their teachings and history of existence, and analyzes the features of thematic historiography. The uniqueness of the wandering phenomenon in the religious landscape of the Russian Empire province is emphasized: the wanderers preached radical eschatological ideas, but, at the same time, maintained a certain involvement in the social structures of the outside world. The publication focuses on the holistic history of the Old Believers-Wanderers in the Saratov Volga region, who penetrated its territory in the 1860s. The active preaching of the Wanderers caused an increase in the followers among the Saratov peasants, but the specific way of life of the Wanderers, inspired by the teaching about the “escape from the Antichrist”, inevitably attracted the attention of the local administration and the priests. An appeal to the previously unpublished archival materials of the State Archives of the Saratov Region (GASO) shows that the wandering community was persecuted for vagrancy, illegal harboring of fellow believers, and the secret burials of the dead, whose disappearance was of concern to the police. The article ends with formulating conclusions on ambiguity in the interpretation

of the Wanderers' social and religious practices: despite the results of the investigative processes, such cases gave rise to various negative rumors about the Old Believers.

Keywords: Old Believers-Wanderers, trials, eschatology, religious practices, Saratov province, State Archives of the Saratov Region

The article was submitted for publication 12.10.2025;

accepted for publication 19.01.2026.

For citation: Kartashov, V.A. (2026), “‘Going on a pilgrimage’ and ‘fleeing from the antichrist’: the Old Believers-Wanderers of the Saratov province in the second half of the 19th century (based on the GASO archival materials). Part 2. Religious practices of ‘wandering’ and the judicial persecution”, *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 12–26, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-12-26

Введение

Вторая половина XIX – начало XX в. стали особым временем для старообрядчества, когда наметилась постепенная тенденция реабилитации «раскольников» и их инкорпорации в гражданское общество. Однако юридическая оценка религиозных групп по-прежнему продолжалась в духе категорий большей или меньшей «вредности». Поэтому новая система касалась прежде всего «законопослушных» староверов, не вызывающих подозрения со стороны властей. Хотя по-прежнему, вплоть до законов 1905 г., имели свою силу ограничения в «религиозных правах»: к примеру, количество молен у старообрядцев было строго регламентировано, открытая демонстрация религиозных практик раскольников строго запрещалась [Ардабацкий 2019, с. 72]. И все же, несмотря на это, представители разных групп старообрядчества активно интегрировались в социокультурное пространство российской провинции, порой даже стремились занимать позиции в имперской политической системе.

Гораздо сложнее ситуация обстояла со странниками (или бегунами) – течением, занимавшим особую нишу в мире старообрядчества. Декларируемые ими идеи протестного характера, отторжение всего «мирского» и стремление к «исповеданию» собственной веры неизбежно вели к противостоянию властям [Мальцев 2000, с. 64]. Изоляционизм, на который накладывались приписываемые сведения о религиозном «изуверстве» бегунов, способствовал формированию почти демонизированного облика, хотя и на следственной практике, как можно будет увидеть, это чаще всего опровергалось. Сложно сказать, как утверждает современный историк

И. Кузинер, находилось ли их положение в контексте гражданско-правовой легализации в это время в некоей «серой зоне» [Кузинер 2021б, с. 34]. Вместе с судебной системой к началу нового века постепенно менялись взгляды и на существовавшие классификации раскола и сект, основанные на степени их «вредности», что понимали и многие эксперты. Так, Н. Ивановский в рассуждениях о бегунах-«лучинковцах» высказывал подобное мнение о возможной связи сектантов с изуверством: «Статья 203-я, указывая означенные признаки, имела в виду определенные секты скопцов и хлыстов, – первых как требующих физического изуродования, последних как проповедующих свободную «духовную» любовь в форме свального ли греха, или в других цинических видах. К ним могли быть относимы и другие по названию секты, если в них усматривались такие же признаки. Тогда и эксперту требовалось только назвать секту и установить ее доктрину, имея в виду обнаруженные по данному делу признаки в учении и обрядах вообще. За последнее десятилетие кассационный сенат, – разъяснитель законов, – становится на другую, исключительно корректную точку зрения, требуя по каждому делу самых фактов изуверства, или гнусности. ...Теперь не видится надобности стесняться названием секты и излагать всю ее доктрину, иногда очень сложную и недостаточно ясную и последовательную, – есть факты на лицо, стоит только осветить их. Но с другой стороны теперь нельзя довольствоваться изложением только доктрины названной той или другой секты, воспользовавшись книгами и приведя из них выписки, самое же дело пробегать только слегка»¹. Иначе говоря, в следственном делопроизводстве ориентировались на конкретные существовавшие прецеденты, где фигурировала та или иная секта, и на достоверные факты деструктивных действий.

Данная публикация является второй частью исследования по сообществу старообрядцев-странников в Саратовской губернии пореформенного периода: первая его часть была посвящена общей картине истории и развитию странничества в Российской империи, а также его появлению в пределах Саратова; были проанализированы локальная география странников и предпосылки для возможности их проповеди².

¹ *Ивановский Н.И.* Верхотурские бегуны противостатейники (судебная экспертиза) // Миссионерское обозрение. 1903. № 4. С. 450–462.

² *Карташов В.А.* «Уход на богомолье» и «бегство от антихриста»: старообрядцы-странники Саратовской губернии во второй половине XIX в. (по архивным материалам ГАСО). Ч. 1: Основные вехи истории странников и их появление в Саратовском Поволжье // История и архивы. 2026. Т. 8. № 1. С. 28–40.

*Саратовские странники
и первое столкновение с властями*

Первое прямое столкновение староверов-странников с полицией в Саратовском Поволжье, как отметил протоиерей Василий Еланский, произошло лишь в 1874 г., когда до органов правопорядка дошли сведения об отлучке двух девиц из села Ваулино Камышинского уезда. Среди православного населения стал распространяться слух, будто «новые раскольники» переманивают к себе молодых женщин и отправляют своим «куда-то на Кавказ»³. В связи с этим «гражданским начальством предписано было местной полиции перехватывать все письма с Кавказа, адресованные на имя кого-либо из Бабановских крестьян»⁴. В результате на следующий год в селе Ахмат «были захвачены три подпольницы с книгами, рукописными тетрадями и цветниками...»⁵. Арестованные приставом крестьянки оказались «безпачпортными»: старуха «с двумя молодыми девицами». В итоге, правда, им повезло избежать дальнейших судебных разбирательств: «По отсылке г. приставом отзыва золотовского духовенства о зловредном содержании отобранных у “странниц” книг, камышинский товарищ прокурора сначала не счел было нужным преследовать этих “подпольниц” законным порядком и распорядился об освобождении их из-под ареста, но потом, когда передал дело о них судебному следователю для производства следствия, то “подпольниц” и след простыл»⁶.

Со временем, правда, обнаруженная саратовскими священниками и полицией «подпольная секта» не могла не вызывать озабоченности у администрации. И их преследование имело ощутимые отличия от давления на других староверов. Помимо собственно духовных преступлений в виде распространения «зловредной ереси», сам по себе *modus operandi* странников воплощал явную социальную аномалию. Отсюда неизбежно их жизненный уклад криминализировался в свете действующего имперского законодательства, в первую очередь статей Уложения об уголовных наказаниях. Бегунам вменялись многочисленные нарушения административно-гражданского характера: сюда относились бродяжничество, незаконное содержание людей, отказ от документов и от воинской повинности, неуплата налогов. Несмотря на конспиративную

³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 895: Рукопись Щеглова С.А. «Летопись села Золотого». Л. 69.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 65.

деятельность жилых «странноприимцев», дисциплинарные нарушения часто оказывались под прицелом полицейского надзора.

Регулярно странники попадали под административную ответственность за бродяжничество – перемещение без «письменных видов», т. е. паспортов: как в случае с женщинами-«подпольницами» из Ваулина в 1875 г. Обвинения сектантов в бродяжничестве и незаконных «сборищах» являются своеобразным маркером странников в документах, даже если фигуранты дел именуются общими терминами. К примеру, очевидно, что «подпольщиками» были раскольники из села Лапоть Камышинского уезда, которые по метрическим книгам числились православными. В 1889 г. священники жаловались, что лидеры местного раскола «...приняли другие меры к отвлечению православных от церкви, а именно: отыскивают по сторонам разных безбилетных бродяг и безнравственных дев и привозят их в с. Лапоть с какими-то лицевыми книгами, цветниками и разными раскольническими рукописными тетрадами; на день укрывают их в своих домах, а по ночам делают многочисленные сборища, на которых эти бродяги учат не подчиняться уставам Св. Церкви и ее священнослужителям; кроме того произносят хулы на Св. Церковь и тем совращают православных в раскол»⁷.

В ответ полиция развернула активные меры по пресечению деятельности странников, а также преследованию их лидеров. Так, в епархиальных ведомостях сообщалось, что в 1880 г. в Камышинском уезде местным урядником были частично арестованы подпольнические наставники, после чего «видя над собою беду неминуемую, остальные... разбежались в более безопасные места»⁸. Любопытно, что некоторые из них вновь являлись уроженцами Ярославской губернии, которых до этого присылал сюда лично Никита Семенов. Это лишний раз подтверждает, что внутри страннического сообщества были хорошо отлажены связи и коммуникация с неофитами. И несмотря на противодействие полиции, активная проповедь странничества продолжалась, что видно по следственным документам. Как показало время, местные власти и духовенство стали обеспокоены не только пришлыми людьми без паспортов, но и отлучками проживавших в селах Камышинского уезда крестьян.

⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6902. Л. 1 об.

⁸ Отчет Саратовского православного церковного Братства Св. Креста за 1880 год (продолжение) // Саратовские епархиальные ведомости. 1882. № 3. С. 22.

*«Таинственные» пропажи
и «уход на богомолье» у странников*

Уже в 1860–1870-е гг. XIX в. местные власти и духовенство Камышинского уезда столкнулись с происшествиями, дававшими повод для серьезного волнения. Выяснилось, что крестьяне из сел и деревень Золотовской волости стали массово пропадать в неизвестном направлении, о чем упоминал Василий Еланский: «Слухи о таинственных исчезновениях то той то другой личности из того или другого села и деревни стали появляться все чаще и чаще...»⁹. Свидетельства о пропажах были найдены Еланским в документальных бумагах волостных правлений:

«Так в 1870 году пропали без вести: дер. Ревиной девица Федотья Ионова... д. Н. Банновкикр. Михаил А. ...Ардюков 40 л., дер. Студенки девица Прасковья Алексеева Лобанова, 29 л. ...в 1871 г. в с. Банном кр. женка Дарья Дмитриева Занозина 22 л.; в 1872 г. д. Дубовки у кр. Федора Кириллова Тарасова жена Марфа Егорова (нашлись); в 1873 г. с. Ваулина кр. Федул Иванов Смольяников объявил, что он вместе с женою своею Анной Антиповой 60 л. в январе отправился в Саратов, где жена его с верхнего базара. На котором они были за покупкой вещей для домашнего обихода, неизвестно куда пропала; в 1875 дер. Ревинойкр. Осип Петров Игнатьев заявил, что мать его Авдотья Тимофеева 63 л. ушла в Ваулино для свидания с золовкой откуда и пропала бесследно; дер. Кубасовойкр. Василий Константинов Воротилов заявил, что в начале года мать его Христиния Леонтьева, 70 л., неизвестно куда из дома вышла, а через 1,5 недели спустя скрылся и пропал без вести и отец его Константин Антонов, 70 лет; в 1876 г. в д. Кубасовой неизвестно куда из жительства скрылась кр. вдова Анна Семенова Кубасова, 70 л., в мае месяце; 22 декабря из д. Ревиной пропал кр. Семен Павлов Пермяков, 55 л., в ноябре из той же деревни кр. Дмитрий Васильев Кондаков, 26 л., ночью из избы кр-ки Прасковьи Степановой Кондаковой – больной – вышел и пропал; 29 дек. У кр. д. Ревиной Демида Зиновьева Семенова в Золтом будто бы без вести пропала его дочь Акулина 9 лет. В 1878 г. в декабре д. Ревинойкр. Иван Евграфов Колотухин заявил о пропаже без вести жены своей – больной – Пелагии Васильевой 35 л.; в 1879 г. в д. Ревиной безвестно пропал в феврале кр. Алексей Дорофеев Карюкин, 64 л.; той же деревни кр. Семен Гаврилов Карюкин заявил, что несколько больная жена его Елена Семенова, 30 л., отправившись к сестре своей в Ваулино

⁹ Краткий очерк подпольнической секты в пределах волостей Золотовской, Ахматской и Синеньской // Саратовские епархиальные ведомости. Отдел. неоф. 1882. № 27. С. 189.

29 марта, неизвестно куда скрылась и пропала; в мае месяце тоже несколько нездоровый д. Ревинной кр. Арений Григорьев Епифанов 82 л. вышел из избы в апреле и пропал; в марте месяце свящ. села Ваулина о. Альбанскомукр. д. Мазалей Стефан Зверев заявил, что он повез свою сноху на богомолье в Ахмате, где она вошла в один неизвестный ему дом и пропала ...Всего с 1870 г. по 1879 г., за 7 лет ... пропало без вести 6 лиц м. п. и 12 ж. п., в том числе из одной деревни 9 человек»¹⁰.

Эти же исчезновения продолжались и в 1880–1890-е гг., причем в тех же населенных пунктах: многие подобные случаи отразились в следственных документах: в сентябре 1886 г. ситуация с исчезновением повторилась в Ваулино, где «при проверке душ ...не оказалось следующих лиц: ...у крестьянина Гаврила Иванова Куклева – отца Ивана Иванова 67 лет, у крестьянки Вассы Феодосьевой Смольяниновой – мужа Тихона Егорова 43 лет, отставного солдата Кондрата Иванова Смольянинова детей: Ирины 15 лет и Василия 9 лет; деревни Кубасовой: у крестьянина Афанасия Иванова Клинова – родной матери его Вассы Герасимовой 62 лет, у вдовы Матроны Ивановой Кубасовой – свекора Григория Иванова Кубасова 76 лет; деревни Ревинной: у крестьянина Карпа Федосьева Избякова матери вдовы Феклы Кондратовой 63 лет, у крестьянина Трофима Алексеева Третьякова – жены Ксении Максимовой 62 лет, у крестьянина Алексея Никифорова Крезина – родного отца его Никифора Иванова 64 лет и у крестьянина Никифора Иванова 64 лет и у крестьянина Никифора Терентьева Корюкина дочери Феодосии 6 лет; при чем причт присовокупляет, что означенные лица неизвестно где проживают и живы ли оные или умершие – ему неизвестно»¹¹.

Родственники, однако, не давали внятного ответа на задаваемые им вопросы, куда делись их же дети и их старые родители. По мнению односельчан, все исчезнувшие принадлежали к секте «подпольников». Похожая ситуация проявляется в тех же местах и два года спустя, когда «не оказалось» еще нескольких людей: «У крестьян с. Ваулина Гаврила Куклева – дочери Анастасии 2 лет, деревни Ревинной Ивана Кевлева – сына Ивана 3 лет, у Никифора Третьякова – отца Арсения Алексеева 57 лет, у Ивана Колотухина – жены Пелагии Васильевой 45 лет, у Силы Крутова – отца Гаврилы Васильева 70 лет, у Григория Васильева – матери Агриппины Нефедовой 75 лет, у Алексея Кальянова – сына Петра 11 лет, деревни Утехиной крестьянина Ивана Коняхина»¹². По протоколам с опросами

¹⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 895. Л. 67.

¹¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6527: Дело об обнаружении подпольной раскольнической секты в деревне Ваулиной Камышинского уезда. Л. 3.

¹² Там же. Л. 1.

родных, исчезнувшие скрылись на «богомолье». Согласно мнению полицейских, «все означенные лица... принадлежат к секте подпольщиков и скрылись под предлогом отбытия на богомолье»¹³. По материалам последующих следственных дел становится видно, что вернулся на место только крестьянин деревни Утехиной Иван Коняхин, бывший, по его словам, на заработках за Волгой¹⁴. Длительное отсутствие вышеназванных лиц подтвердило версию принадлежности к «подпольной секте, у каковых сектантов принято вообще за правило хоронить умерших тайно ночью не на местных кладбищах, а в таких местах, которые были бы никому неизвестны»¹⁵.

Пожалуй, явно бросающаяся в глаза деталь приведенных списков: подавляющее число из них, за редким исключением, является людьми преклонного возраста либо детьми. Это же прослеживается по спискам священников: среди рапортов о нарушении религиозной дисциплины отмечалось множество случаев «самочинных» погребений и просто исчезновений, о которых ничего не было известно. И вновь фигурируют «неможные старики и старухи» и «малолетние дети»: любопытно, что здесь повторяются многие фамилии из ранних списков. По мнению священников, те «без посторонней помощи не могли скрыться да вдобавок так, что и домашние не знают куда»¹⁶. Некоторые крестьяне, как Иван Избяков, полагали, что их родители отправились странствовать, однако умерли в пути и были погребены «по обряду старообрядцев страннической секты»¹⁷. Эта формулировка, конечно, не отражает реального ответа старообрядца, однако ясно, что имелись в виду «тайные похороны». Крестьянин Федор Миронов также сообщал, что его отец, 66 лет, ушел постом 1889 г. в неизвестном направлении, а позднее получил сведение от неизвестных странников, что «тот умер и погребен по обряду старообрядческой подпольной секты»¹⁸. Православные жители твердо полагали, что пропавшие дети и старики умерли в этих же местах и были похоронены тайно от всех.

Совершенно аналогичный сюжет был зафиксирован в селе Ахмат, где местный крестьянин Григорий Комов, «будучи право-

¹³ Там же. Л. 1 об.

¹⁴ Там же. Д. 6899: Донесение Камышинского исправника о сектантах-подпольниках, скрывшихся на богомолье. Л. 4.

¹⁵ Там же. Д. 6764: Дело о розыске семей с. Ваулино Камышинского уезда, образовавших секту подпольников. Л. 2.

¹⁶ Там же. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4090: Расследование по донесению духовенства с. Ваулина Камышинского уезда о совершении раскольнических обрядов крестьянами этого села. Л. 34 об.

¹⁷ Там же. Л. 39.

¹⁸ Там же. Л. 40.

славным», 5 ноября 1885 г. «похоронил свою жену Татиану по обряду подпольнической секты, и чтобы скрыть свое преступление, заявил духовенству, что жена его ушла странствовать»¹⁹. То же самое Комов повторил и на дознании, что он не хоронил своей жены, которая «около 10 числа ноября месяца 1885 г. из дома его самовольно скрылась ночью неизвестно куда для спасения своей души, о чем она нередко и прежде сего говорила, представив свидетелей из своих соседей Ивана Григорьева Карпова и Ивана Никитина Карпова...»²⁰. Однако приходской священник с. Ахмат настаивал на том, что Комов похоронил свою жену, ссылаясь на особенности мировоззрения «подпольников»: «...свойство подпольнической секты, между прочим, состоит в том, чтобы о смерти своих никому не открывать из посторонних, иначе души не пустят в рай; и чтобы замаскировать все это, у них по секте сложилась поговорка “ушла странствовать”, спасающая их от преследования гражданской власти, так как принадлежащие к этой секте ни за что не согласятся объявить, что то или другое умершее лицо действительно умерло»²¹.

Наиболее массовый случай исчезновений произошел в д. Обольяниновке Камышинского уезда, где с 1 октября 1893 г. по 1 февраля 1894 г. «исчезли» 58 человек разного возраста. Местный пристав полагал, что все они умерли и были тайно захоронены «по обряду подпольнической секты»²². Однако по дознанию большинство родственников этих лиц сообщало, что те «ушли странствовать». И лишь восемь человек признались, что их дети умерли от дифтерита, а погребены на местном кладбище без отпевания приходским священником²³. Местные власти не могли точно установить факт смерти крестьян, поскольку «...умирающие люди хоронятся неизвестно где и отмечаются по книгам безвестно отсутствующими, родственники же умершего, какого бы возраста последний не был, объясняют, что он не умер, а ушел странствовать»²⁴. Тем не менее не было сомнений в смерти пропавших. Стоит полагать, как и в вышеописанных случаях, умершими были старики и дети, чья кончина была вызвана заболеваниями: в данном случае прошедшая в Обольяниновке

¹⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6528: Дело об обнаружении подпольной раскольничьей секты в с. Ахмате Камышинского уезда. Л. 3.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 3 об.

²² Там же. Д. 7415: Переписка с Саратовской духовной консисторией об исчезновении 58 жителей с. Обольяниновки Камышинского уезда, принадлежащих к секте подпольщиков. Л. 3 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 4.

эпидемия дифтерита²⁵. Выявить точное число «подпольников» и время появления их в Оболяниновке для властей оказалось затруднительно. Православные жители деревни сообщали лишь о 28 людях, что явно не отражало полной картины²⁶. Причина этого заключалась в сектантской конспирации: «...сектанты-подпольники, состоя по сведениям приходского духовенства в числе православного населения, исполняют все православные обряды: ходят в церковь, принимают у себя духовенство с разными церковными требованиями, и только после смерти кого-либо из подпольников обнаруживается, что умерший принадлежал к этой секте, так как умершие предаются земле не по православному обряду и неизвестно где»²⁷. Кроме того, во время полицейских досмотров было выяснено, что у «подпольников»-бегунов существовала собственная «тайная» молельня, которая «со всеми в ней принадлежностями, ризами и богослужебными книгами, приставом опечатана»²⁸.

Обобщая изложенные факты, можно сделать вывод, что оборот «уход на богомолье» у странников мог иметь несколько значений. Он мог подразумевать вполне реальный побег с места проживания, который по заповеди страннических учителей должны совершать все крестившиеся «истинно-православные». Как верно отмечено Е. Дутчак, часто решение «странствовать» было связано с личной мотивацией верующего и перекликалось с православными практиками обета и паломничества [Дутчак 2007, с. 119]. Обычай «странствий» подтверждает и Еланский со ссылкой на местных крестьян, что пропавшие «укрываются от власти и прелести антихристовой у подпольников... преимущественно на мельницах и в садах, в построенных там избах, где, по переkreщении их подпольниками, и слывут у них под названием рабов и рабынь Божьих; другие из них утверждают, что этих пропавших без вести лиц подпольники отправляют одних вверх, других вниз по Волге; но куда, до последнего времени хорошо не было известно»²⁹. Перехваченные полицией письма, с которыми ознакомился отец Василий, содержали переписку саратовских странников с их единоверцами из Ярославской губернии, которые активно вдохновляли на практику «побега» и указывали на возможные «пристанища», где можно было укрыться от «антихристовой прелести». В одном из писем содержалась подобная заповедь, в которой присутствует явное указание на необходимость странствия: «Любезные наши, посмотрите на прежние

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 3–3 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Ф. 407. Оп. 2. Д. 895. Л. 67.

святые, где добротели своя исправиша, все в отхождении в дальние страны и великими скорбями дни своя проводиша и тако от сего света отыдоша и к Богу приидоша; также и мученицы великими страданиями от сего света отыдоша. О любезные наши, я хоть на чужой стороне пребываю, а дух мой присно с вами, я бы и лично с вами со всеми желала повидаться, если велит Господь до весны дожить и там устроить своими судьбами коль ему надо, по воле Его святой, и за сим простите нас...»³⁰. По сведениям из переписки оказалось возможным выявить «приюты» странников, простирившиеся «от пределов Вологодской и Пермской губернии, по Оке, Каме и Волге, вплоть до Персидской и Турецкой границ на Кавказе»³¹.

В приведенных случаях «таинственных исчезновений» подобные сформулированные ответы выражали речевую поведенческую стратегию, используемую старообрядцами для сокрытия факта смерти людей и места их погребения. Практики тайного захоронения своих собратьев, являющиеся частью страннического обихода, маскировались от полицейских и священников метафорой «странничества». Упорные попытки сокрыть и тела, и знания об усопших единоверцев основывались на представлениях бегунов, которые отмечали и собирали информации о них: «объявлять о смерти считается величайшим грехом»³².

Чаще всего власти догадывались, что случилось с отсутствующими «подпольниками». Это могло обернуться административными последствиями для близких и родственников умерших, поскольку самочинное погребение без «должного христианского» обряда было явным нарушением религиозной дисциплины. Как уже было замечено, основные группы исчезнувших лиц – старики и дети, то есть те, кто более всего находится в зоне риска. Высокая смертность среди сельских старообрядцев-странников, видимо, была нередким явлением. Этому во многом способствовал их специфический образ жизни, основанный на отказе от цивилизации, испорченной «антихристом».

Казалось бы, подобные исчезновения создавали отличную почву для всевозможных слухов о том, что якобы могло произойти с сектантами. Правда, в следственных документах практически нет указаний о «насильственном» характере этих смертей, которые, как можно увидеть далее, циркулировали в народной среде. Отметим, что местные власти лишь констатировали пропажу людей, связываемую с возможными тайными захоронениями. Однако следователи не нашли фактов, дабы осудить «подпольников»

³⁰ Там же. Л. 68.

³¹ Там же. Л. 69.

³² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7415. Л. 4.

по 203-й статье Уложения о наказаниях, по которой обычно судили скопцов: т. е. те не были связаны с «изуверским посягательством» на собственную и чужую жизнь. Пожалуй, лишь в одном из следственных дел появляется тема ритуального убийства, сообщение о котором поступило из с. Синенькие Саратовского уезда. Так, земский начальник доложил в полицию, что двое местных крестьян, Петр Парфенов и Петр Болдырев, заточили своих жен в подполье «с целью лишения их жизни чрез удушение»: обе супружеские пары были в преклонном возрасте³³. По слухам местных, оба принадлежали к секте «подпольщиков», которых в селе насчитывалось до 30 дворов. Однако все последующие обыски и досмотры в домах крестьян не выявили никаких намеков на «убийство»: ни тайников, ни следов мнимого погребения не было обнаружено. Полицейским пришлось признать, что «...эта секта не соединена ни со свирепым изуверством, ни с фанатичным посягательством на жизнь...»³⁴.

Общий вердикт по итогам следствия был следующий: «Верование этой секты заключается между прочим в том, что лица, состоящие в оной, тайно в своих домах, совершают моление Богу, читая при этом священные молитвы по книге Златоуст на церковно-славянском наречии и в православную церковь не ходят; самым же главным религиозным обычаем считается совершенно скрытные от своей семьи странствования ради душевного спасения и богомолья. Этот обычай исполняется преимущественно в преклонном, старческом возрасте, когда сектант, возрастав и устроив свою семью и хозяйство, отрешается от мирских забот, возлагая таковые на детей, а сам отправляется в безвестное странствование ради Христа, для спасения души; для чего уходит из своего дома скрытно от своей семьи и неизвестно куда. Эти странствующие паспортов не берут и подолгу, а иногда и совсем не возвращаются домой, проживая в других селениях, и там умирая. ...Существование этого обычая известно многим старожилам; но факт скрытия кого-либо из сектантов в подполье с целью лишения тем или другим способом лишения (так в документе. – В. К.) жизни не только не получил подтверждения, но напротив... совершенно отвергается...»³⁵.

³³ Там же. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4318: Переписка со следственными и полицейскими органами об обнаружении секты «подпольщиков» в с. Синеньких Саратовского у. Л. 2.

³⁴ Там же. Л. 7.

³⁵ Там же. Л. 7 об.

Заключение

Полиция регулярно преследовала старообрядцев-странников за бродяжничество и незаконные «сборища». Но более всего волостные начальства и приставы были обеспокоены бесследными исчезновениями крестьян из «подпольнической» секты. Эти «пропажи» были связаны с их ключевыми практиками, вдохновленными доктринальными особенностями: в первую очередь, это, собственно, реальный «побег» с места жительства, совершаемый крестившимися старообрядцами. Кроме того, бегуны практиковали в своем обиходе погребения, совершаемые в «тайных» местах, порой даже в хозяйственных пристройках [Пулькин 2020, с. 217]. В числе захороненных, как правило, отмечаются больные, старики и дети, т. е. по факту те, кто физически не мог воплотить предсмертный подвиг «странствия», дабы умереть по «отхождению в дальние страны».

Регулярные исчезновения приверженцев «странничества» открывали поле для создания разнородных слухов. Опыт следственного делопроизводства над саратовскими староверами-странниками категорически опровергает возможность насильственной смерти над странниками, не находя тому вещественных доказательств. Несмотря на это, как показывает история, вера в бытование ритуального убийства у странников оказалась довольно устойчивой и стала своеобразным нарративом [Кузинер 2021а, с. 68]. Однако этот сюжет является предметом отдельного исследования.

Литература

- Ардабацкий 2019 – Ардабацкий Е.Н. Старообрядчество в российском законодательстве конца XIX – начала XX в. (исторические справки). Саратов: Техно-Декор, 2019. 188 с.
- Дутчак 2007 – Дутчак Е.Е. Из “Вавилона” в “Беловодье”: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 412 с.
- Кузинер 2021а – Кузинер И.Э. Красная смерть Кабанкина: старообрядцы-странники и русское ритуальное убийство в поздней имперской России // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 60–87.
- Кузинер 2021b – Кузинер И.Э. Милленаристы, капиталисты, кооператоры: поздней имперский и раннесоветский опыт старообрядцев-странников // Ab Imperio, № 2. 2021. С. 25–59.
- Мальцев 2000 – Мальцев А.И. Краткая формула исповедания веры у староверов-странников // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы научной конференции / ред. В.И. Осипов, Е.И. Соколова. Т. 5. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, С. 62–69.

Пулькин 2020 – Пулькин М. Старообрядцы-странники во второй половине XIX – начале XX в. (на основе отчетов каргопольских миссионеров) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 3 (38). С. 207–222.

References

- Ardabatskii, E.N. (2019), *Staroobryadchestvo v rossiiskom zakonodatel'stve kontsa XIX – nachala XX v. (istoricheskie spravki)* [Old Believers in Russian legislation of the last of the 19th – the beginning of the 20th century (historical references)], Tekhno-Dekor, Saratov, Russia.
- Dutchak, E.E. (2007), *Iz "Vavilona" v "Belovode": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.)* [From "Babylon" to "Belovodye": adaptive capacity of the taiga communities of Old Believers-Wanderers (the second half of the 19th century – the beginning of the 21st century)], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia.
- Kuziner, I.E. (2021), "The red death of Kabankin: the Wanderers and the Russian ritual murder in the late Romanov's Empire", *Antropologicheskii forum*, no. 49, pp. 60–87.
- Kuziner, I.E. (2021), "Millenarians, capitalists, cooperators: the late Imperial and early Soviet experience of the Old Believers-Wanderers", *Ab Imperio*, no. 2, pp. 25–59.
- Maltsev, A.I. (2000), "The short formula of the profession of faith of the Old Believers-Wanderers", in Osipov, V.I. and Sokolova, E.I., eds., *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'»: materialy nauchnoi konferentsii* [Old Believers: History, culture, and modernity. Proceedings of a Scientific Conference], vol. 5, Muzei istorii i kul'tury staroobryadchestva, Moscow, Russia, pp. 62–69.
- Pul'kin, M. (2020), "Old Believers-Wanderers in the second half of the 19th – the beginning of the 20th century (on the basis of the Kargopol missionaries' reports)", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 38, no. 3, pp. 207–222.

Информация об авторе

Владислав А. Карташов, аспирант, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; ya.qwe987@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0002-5417-3380

Information about the author

Vladislav A. Kartashov, postgraduate student, Saratov State University, Saratov, Russia; 83, Astrakhanskaya St., Saratov, Russia, 410012; ya.qwe987@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0002-5417-3380